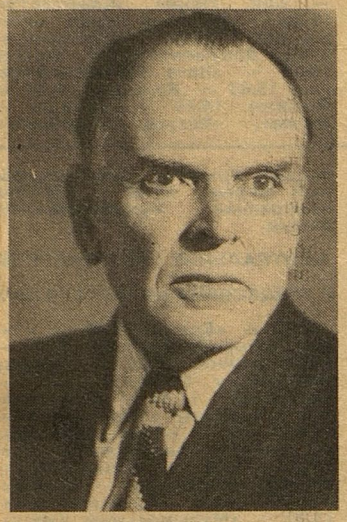
Паустовский К.Г. 30/V 82

КАЛЕНДАРЬ «СМ»

ЗАЧАРОВАННЫЙ КРАСОТОЙ ЗЕМЛИ

СЕГОДНЯ — 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ КОНСТАНТИНА ГЕОРГИЕВИЧА ПАУСТОВСКОГО (1892—1968)



КОНСТАНТИН Георгиевич Паустовский последние годы жил в Тарусе. Многие из тех, кому доводилось встречаться с ним там, в один голос замечали: как же они похожи — Паустовский и этот тихий, незатейливый городок на пересечении трех областей — Московской, Калужской и Тульской, — где вертлявая, вся в шумливых перекатах и зарослях ивняка речка-невеличка Таруска впадает в красавицу Оку.

Паустовский походил больше на умельца-мастера, чем на представителя изящной словесности. Ростом невысок, суховат. Говорил негромко и сдержанно, но чувств не скрывал. И в этом угадывался Паустовский-писатель.

ОНА вся еще полна живой памяти о своем хозяине — эта крестьянская рубленая изба с тесовым потолком и большими, по-городскому светлыми окнами, за которыми сразу начинается лес. На столе лежат рукописи с характерной густой, «многоэтажной» авторской правкой. Рядом книги и стопка чистой бумаги. На стенах фотографии, географические карты, барометр. Все как при жизни. Такое ощущение, что хозяин вышел на минуту и вот-вот вернется. Скромность, даже аскетичность обстановки бросается в глаза, и невольно уже складывается первое представление о личности писателя.

Сколько он видел всего и знал, сколько перечувствовал и предугадал. Сколько скитался по свету в поисках неожиданно новых, как он говорил, людей и мест. Откройте его «Повесть о жизни» — мемуары, которые писал он одновременно с книгами художественными: диву даешься, сколько он успел пережить и увидеть. Но всякий раз, разговорившись, Паустовский сокрушался: эх, мало видел. И начинал перечислять, где он не был. А потом улыбнется, скажет: и все-таки не беда. Все ведь зависит от пытливости и остроты глаза.

А этим владел он в полной мере. Редкая зоркость взгляда сочеталась у него с юношеской восторженностью и поэтическим состоянием души, какой-то зачарованностью красотой, которую он видел всюду.

У каждого писателя особая манера жить и творить. «Что касается меня, — признавался Паустовский, — то для плодотворной работы мне нужны две вещи: поездки по стране и сосредоточенность».

Так было всегда: почти каждая поездка оборачивалась книгой.

ПОВЕСТЬ «Кара-Бугаз» — первое большое произведение, открывшее Паустовского-писателя. Как родилась повесть? В своей книге «Золотая роза» Паустовский вспоминает о встрече с геологом Шацким, который станет одним из героев будущей повести. Именно от него писатель и узнал о Кара-Бугазе — «устрашающем и загадочном» заливе Каспийского моря, о неисчерпаемых запасах в его воде ценнейшего минерала мирабилита, о том, что можно уничтожить пустыни. «Если бы люди, — говорил Шацкий, — потратили на истребление пустынь только половину средств и сил, какие они тратят на взаимное убийство, то пустыня давно бы исчезла».

Встреча с геологом стала искрой, от которой возгорелся замысел «Кара-Бугаза». Паустовский исследует побережье Каспия и приходит к решению: книга должна органично сочетать художественность с документальностью и глубинным анализом очерка. Писался «Кара-Бугаз» в Березниках, на Северном Урале, куда Паустовский был послан корреспондентом Российского Телеграфного Агентства (РОСТА). Это была последняя его «долитературная» профессия (в свое время ему довелось быть и учителем, и вожатым трамвая, и военным санитаром, и литейщиком, и рыбаком). После выхода в свет повести «Кара-Бугаз» писательство стало его «единственной всепоглощающей, порой мучительной, но всегда прекрасной и любимой работой».

ВЕТРЫ странствий рождали новые замыслы. После поездки в Поти он пишет экзотическую повесть «Колхида». После изучения берегов Черноморья — овеянную романтикой книгу «Черное море», в которой нрав морской стихии стал фоном, высветившим судьбы разных людей, связанных с морем. Рассказал писатель здесь и о легендарной, трагической и прекрасной судьбе лейтенанта Петра Шмидта, поднявшего в 1905 году революционных матросов на борьбу с самодержавием. После жизни в Карелии появляются небольшие повести — «Судьба Шарля Лонсевиля» (о жизни французского инженера) и «Озерный фронт» (о событиях гражданской войны). Свою давнюю любовь к Ленинграду писатель выразил в красивой и суровой «Северной повести», прослеживающей биографии людей из поколения дворянских революционеров-декабристов...

В начале тридцатых годов Паустовский открывает для себя «неведомую и заповедную землю» — Мещеру. Она становится его второй родиной. Пройдут многие годы, и он скажет: «Ничто так меня не обогатило, как этот скромный и тихий край».

Неброская красота среднерусской природы обострила слух писателя. Он понял, что образность и волшебство русской речи неуловимо связаны с дыханием и ритмом русской природы, с журчанием родников, криком журавлей, с нежностью и печалью русских песен. Все это звучит в его рассказах и повестях так называемого «мещерского периода».

В начале 60-х годов (в ту пору Паустовский уже живет в Тарусе, на Оке) он пишет рассказы «Итальянские записи», «Третье свидание», «Наедине с осенью», «Ильинский омут», отмеченные необычайной внутренней свободой. Правда, рассказами их трудно назвать. Это скорее эссе — размышления, открытый разговор с друзьями. «И это, — добавлял сам Паустовский, — признание в любви нашей природе и всей России».

В таком же раскованном духе и стиле создана, пожалуй, самая популярная книга Паустовского «Золотая роза». Работал он над ней долгих десять лет. Здесь он поэтично, непосредственно и мудро поведал о сущности писательского труда. За каждой мыслью — жизненный факт, а то и целая лирическая новелла. Интересны раздумья о литературном стиле, языке, о призвании художника, о силе воображения и вдохновении. Лаконично и достоверно рисует Паустовский портреты великих писателей — Андерсена, Гюго, Чехова, Мопассана, Бунина, Горького, Блока, а также своих современников и друзей.

В маленькой проникновенной повести «Исаак Левитан» Паустовский пишет: «Левитан был художником печального пейзажа. Пейзаж печален всегда, когда печален человек...»

КОНСТАНТИНУ Георгиевичу Паустовскому выпала счастливая доля воспеть иное время и «светлый пейзаж» своей Родины, ее нового гражданина, которого он искренне любил: «Без людей нашего времени, полного побед и человеческой теплоты, — писал он, — нет прекрасного ни в цвете морей, ни в ветрах, ни в облаках, ни в полете птиц — во всем, что называется жизнью».

В. ГУСАРОВ.
АПН.

«Советская молодежь» г. Рига 30 МАЯ 1982